

Научная статья
УДК 94+908+378.095
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-2-527-533

Из истории Тамбовского рабфака: попытка «дидактической революции»

Александр Липанович АВРЕХ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
aavreh@yandex.ru

Аннотация. На материалах Тамбовского рабфака исследована попытка решительной перестройки советской сферы просвещения во второй половине 1920-х гг. путем замены традиционной классно-урочной системы по твердому расписанию свободной (Дальтон-план), нацеленной на развитие навыков самостоятельного наращивания знаний в ходе «лабораторной работы». На основе, главным образом, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов прослежены этапы «борьбы» за Дальтон, в ходе которой сравнительно быстро выяснилась невозможность внедрения «чистой» свободной системы, что превосходило материальные организационно-методические возможности Тамбовского рабфака, практиковавшего полусвободную (сочетавшую классную и лабораторную схемы) систему. Постепенное наращивание Центром требований к качеству подготовки в рабфаках и вузах проявило невозможность решения этих задач в рамках Дальтона, что повлекло возврат к видоизмененной ортодоксальной дидактике.

Ключевые слова: Дальтон-план, Тамбовский рабфак, классно-урочная система, свободная система

Для цитирования: Аврех А.Л. Из истории Тамбовского рабфака: попытка «дидактической революции» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 2. С. 527-533. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-527-533>

From the history of the Tambov Labor Faculty: an attempt at a “didactic revolution”

Aleksander L. AVREKH

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
aavreh@yandex.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Аврех А.Л., 2022

Abstract. Based on the materials of the Tambov Labor Faculty, an attempt at a decisive restructuring of the Soviet sphere of education in the second half of the 1920s is studied by replacing the traditional class-lesson system on a fixed schedule with a free one (Dalton plan), aimed at developing skills for self-building knowledge in the course of “laboratory work”. Based mainly on archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the stages of the “struggle” for Dalton are traced, during which it was relatively quickly revealed that it was impossible to introduce a “pure” free system, which exceeded the material organizational and methodological capabilities of the Tambov Labor Faculty, which practiced semi-free (combining classroom and laboratory schemes) system. The gradual increase by the Center requirements for the quality of training in labor faculty and universities showed the impossibility of solving these problems within the framework of Dalton, which led to a return to a modified orthodox didactics.

Keywords: Dalton plan, Tambov Labor Faculty, class-lesson system, free system

For citation: Avrekh A.L. Iz istorii Tambovskogo rabfaka: popytka «didakticheskoy revolyutsii» [From the history of the Tambov Labor Faculty: an attempt at a “didactic revolution”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 527-533. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-527-533> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине двадцатых годов XX века была предпринята попытка перевода сферы образования на систему Дальтон-план. В 1922 г. учительница г. Дальтон, штат Массачусетс, К. Паркхерст опубликовала книгу «Образование по плану Дальтона», суммировавшую ее многолетний школьный опыт. План / «свободная система» предусматривал переход от традиционной классно-урочной системы с твердым расписанием занятий к «свободной». Усвоение материала происходит в «предметных лабораториях» в рамках

самостоятельного – с методической помощью преподавателя – выполнения заданий в определенный срок. Практиковались минимальный и максимальный уровни учебных программ по выбору учащихся. Дальтон-план в короткое время приобрел международную популярность, сравнительно быстро увядшую главным образом из-за высоких требований к оснащенности учебных заведений и его организационно-методических сложностей.

Ключевые идеи «дальтона», как и многих продвинутых схем, сохраняют актуальность, и в той или иной мере реализуются в

учебных заведениях многих стран, включая Россию. Формирование навыков самостоятельного приращивания знаний – атрибут современного образования. Однако в «чистом виде свободная система представляется штучным продуктом для элит. Очевидно, что страна, только что вышедшая из сокрушительного катаклизма 1914–1920 гг., не располагала ни материальными, ни культурными ресурсами для реализации «дидактической революции». Декретирование всеобщей «дальтонизации» – внушительная иллюстрация революционизма, подламывающего реальность в угоду утопии. Дальтон «показался» советскому просвещению разрывом с традиционной дидактикой, что соответствовало духу социалистического строительства («отречемся от старого мира»). Казалось, найден способ быстрого приобщения трудящихся к знаниям, замены буржуазных спецов социалистической интеллигенцией.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Заметным социальным лифтом в 1920-е гг. стали учреждаемые с 1919 г. рабочие факультеты (рабфаки), по двух–трех–четырёхлетним циклам, готовившие трудящуюся молодежь к внеконкурсному (по разрядке) поступлению в вузы и техникумы. Тамбовский рабфак (ТРФ) учрежден одним из первых в ноябре 1919 г. при Тамбовском госуниверситете.

В 1922 и 1924 гг. ТРФ, после ликвидации ТГУ в 1921 г., ставшему самостоятельным, грозило закрытие. Энтузиазм тамбовцев в дальтонизации, наряду с вселением в просторное, хотя и запущенное здание/усадьбу бывшего Епархиального училища (ныне корпус ТГТУ, ул. Ленинградская, 1), сыграли не последнюю роль в сохранении и даже повышении статуса заведения до межрегионального уровня [1].

«Дальтон-революция» породила лавину установочных материалов Центра (справедливо предполагавшего неготовность системы к радикальным переменам), дублируемую на свой лад на местах.

После предварительных обкаток (см., например, «Вестник рабочих факультетов». № 2–6 за 1921 г.) старт внедрению Дальтона дало совещание рабфаков в начале 1924 г., рассмотревшее среди других вопрос «О переходе... к лабораторному плану занятий...». В «Методической... записке...» рассматривались вопросы организации занятий (предусматривающая сохранение 25–50 % времени на классные уроки), составления заданий (самостоятельно при – по мере необходимости – помощи преподавателей, выполняемые студентами в определенные сроки), учета (количественного/формального – главным образом посещаемость, и качественного – академическая успешность – вплоть до коллективного полуугодового), проработка заданий (группами по 3–4 человека), сочетание классных (урочных) и лабораторных (самостоятельных) занятий. Таким образом, рабфаки ориентировались на индивидуализацию обучения (преподаватель-куратор самостоятельной работы), отмену расписаний, систему занятий по выбору по пересмотренным программам. Впрочем, понимая неподготовленность системы, Центр не настаивал на тотальном внедрении Дальтона¹.

Но всегда найдутся «местные Робеспьеры». Тем более что с 1924/1925 учебного года началось постепенное повышение требований к академическому уровню рабфаковцев. Тамбовским «Робеспьерами Дальтона» стали завуч ТРФ В.П. Безруков, скончавшийся в 1925 г., и сменивший его питомец физфака Московского университета Б.В. Белоцерковский. Став региональным знаменосцем революции ТРФ, поощряемый местными властями, активно распространял схему свободной системы. Методическая фантазия повлекла попытку учреждения, например, «психотехнического кабинета», призванного выяснять «натуру» (био-психограммы!) студента <...> Наследственность, антропометрия, физиология, НОТ и т. п.² Показательный

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р.-1425 (Тамбовский государственный рабочий факультет). Оп. 1. Д. 15. Л. 131-143.

² Там же. Д. 29. Л. 15-19.

отрыв от реальности ТРФ, начиная с января 1924-го, перешел на твердую систему, с марта – на 1–2 курсах – свободную. 3 курс начал 2 семестр по твердой системе, однако, через 2 недели перешел на свободную. Первоначальный опыт «показал, что больших осложнений («недогруз – перегруз» лабораторий, нехватка конференций, неподготовленность студентов. – А. А.) ...не получилось».

В первом полугодии 1925/1926 учебного года ТРФ переходит на «полусвободную» систему: в сентябре – твердое расписание (для выяснения возможностей учебных групп), в октябре–декабре – свободное. Октябрьское расписание: 9–10.30 ч. (иногда до 12 ч.) – конференции, 11–15 ч. – лабораторные. В вечернее время 16 лабораторий вместительностью 30–35 человек (по 3 математических и русского языка, по две – физических и биологических, по одной – химическая, географическая и черчения) были открыты для 13 групп три дня в неделю с 18 до 22 часов. Конференции (для проведения использовались 2 зала и «при нужде» – театральный зал) – по недельному расписанию по заявкам преподавателей. Общее количество часов лабораторных дежурств и на проведение конференций для преподавателей равнялись недельным нагрузкам. «Дежурные часы» по математике – 30 % недельной нагрузки, черчение – 27 %, физика – 30 %, химия – 70 %, биология – 52 %, география – 30 %, политэкономия – 52 %, история – 40 %, политграмота – 1 %, русский язык – 14 %. Количественный учет/посещаемость в групп-журналах и учетной карточке. Качественный учет – контроль академуровня. Сроки выполнения заданий – 1–3 недели. Быстро выяснилось: загрузка лабораторий крайне неравномерная, биологическая, русского языка, по политэкономии «часто... пустовали», ускорение проработки сменилось замедлением, порождая задолженности. Некоторые студенты сосредоточивались на «главном предмете, забрасывая остальные чуть ли не на полгода», снизилась посещаемость.

Плюс свободной системы: приучение к самостоятельности. Но минусы явно пере-

шивали. Нехватка времени для классных часов по предметам, «требуемым... техническим навыкам» (математика, русский язык), конференций, вступительных и заключительных бесед. Не оставалось времени для «классного решения» задач, орфографических упражнений и пр. Выросли задолженности, с 9 % на первом курсе до 20 % – на третьем, из-за завышенности заданий. Сказывались «увлечение исследовательским методом», недостаточность пояснений на конференциях, что гораздо проще устранить при твердой системе, сильная перегрузка студентов, особенно «ниже средних». На фоне роста академтребований к концу семестра успешность понизилась, особенно на 3 курсе, часть студентов стали уходить в годичные отпуска. Обнаружилась нехватка времени на зачеты, что заставило переносить их на вечерние часы. В целом студенты первого курса («сильный состав») стопроцентно высказались за свободную систему, но третьего («средний») – только 17 %.

Во втором полугодии ТРФ перешел на месячные задания. 1 неделя – по твердой системе (лекции, лабзанятия в присутствии преподавателя, беседы), 3 – свободная система. В свободной неделе по сложным предметам – один «твердый день», в остальные – по 2 утренних часа на конференции.

«Облегчающие меры»: добавка классных часов (русский язык – 60 %, математика – 50 %, в среднем – до 40 %), «увеличение учебников в лабораториях», печатных заданий, разделение учебного материала по видам проработки на 4 группы (лекционная разработка, иллюстративный метод, исследовательский метод, по книге). В результате удалось ускорить проработку, повысить успешность, «но работа... оставалась тяжелой».

На курсовых совещаниях часть студентов требовала «меньшей твердости», которая мешает выравниванию в выполнении задач. Большинство высказались за твердую систему, позволяющую поднять качество усвоения, разгрузить задания, вызывающую перегрузку и задолженности, перенося часть ма-

териала на классные занятия и конференции. Для «выравнивания» следует ежедневно открывать лаборатории в вечерние часы. В предметных комиссиях преподаватели оценивали месячный период проработки задания как «искусственный», поскольку объем материала требовал его деления на более короткие отрезки. Обширность месячных заданий требует увеличения классных часов, что мешает формированию навыков самостоятельности. Содержание твердых/свободных занятий и конференций оказалось не проработанным, как и график проработки, выработанный участью. Перегрузка преподавателей приемом зачетов не позволяла организовать должное время консультаций в лабораториях. Отсутствие общего «расписания» всех видов работ предопределяло сбой. Главный минус свободной системы – межпредметная несогласованность и перегрузка программы для трехлетнего обучения.

В первом полугодии 1926/1927 учебного года сентябрь был отведен под твердые часы, с октября – свободная система для 2–3 курсов. Вводился трехнедельный цикл: 1-я неделя – твердая, 2-я – первые 2–3 часа – конференции (главным образом, вступительные беседы), остальные – свободные, 3-я – свободная. Твердая неделя – для лекций и исследовательских (не более 10 %) занятий. Закрепление пройденного – дома или в лабораториях, открытых и вечерами. На самостоятельную работу выносились решение задач, разбор литературных произведений, закрепление пройденного и т. п. Складывалась схема, сочетавшая твердую и свободную систему.

Во втором полугодии произошли перемены. 1 курс – еженедельно – три дня – твердая система, три – свободная. Не без давления студентов, несмотря на возражения преподавателей математики, физики, на 2–3 курсах возвращен четырехнедельный (месячный) цикл: 1-я неделя – твердая (беседы), остальные – свободные (с конференциями по заявкам преподавателей) – кроме майских на 3 курсе, проведенных по твердому расписанию.

В первом полугодии 1927/1928 учебного года на 1 курсе – твердая система, на 2–3 – одна неделя – твердая и месячник свободной (с конференциями). По сути, произошел видоизмененный, пожалуй, в худшую сторону, возврат к схеме 2-го полугодия. На этом варианте настояли студенты, ссылавшиеся на удобство планирования проработок и экономии времени при длительных заданиях. Однако к недостаткам, выявленным в 1925/1926 учебном году, добавились новые: «залповая» работа студентов, влекущая длительный разрыв в попредметной работе, расхолаживающее воздействие зачетов «раз в месяц», конференции в начале месячного цикла теряли эффект, так как часть студентов не успевали отработать предыдущие задания, другие успевали «забыть» пройденное, которое приходилось вновь воспроизводить на конференциях, опыты по химии и биологии не проводились. Пожалуй, суммарный минус: в рамках месячного цикла недочеты выявлялись поздно, что подчас делало невозможным исправить положение.

Практикуя лабплан в течение трех лет, тамбовцы пришли к твердому выводу, что свободная система годна лишь для «крепких середняков» и «сильных». Темпы проработки по малочасовым предметам повышаются, по многочасовым – углубляются, однако «запоминание» материала хуже. Для многочасовых предметов (трехнедельные задания) целесообразна полусвободная система – кратковременные твердые периоды. Для остальных – трех–четырёхнедельные. При любой системе необходимо проведение твердых занятий в течение первого полугодия на 1 курсе, месяца – на остальных. На закрепление пройденного в ходе конференций и классных занятий надлежит отводить около 40 % времени, по математике – до 60 %, по русскому языку – до 70 %. По мнению тамбовцев, существующие оргформы не проявили положительные и не минимизировали отрицательные стороны свободной системы³.

В юбилейных материалах к 10-летию ТРФ констатировалось: обследование Отде-

³ ГАТО. Ф. Р.-1425. Оп. 1. Д. 103. Л. 8-10об.

лом рабфаков НКпроса показало, что тамбовцы не справились с Дальтоном. Со второго полугодия 1927/1928 учебного года ТРФ отказывается от свободной (полусвободной) системы, закрепив «твердую лабораторную систему» (то есть вариант все той же полусвободной системы)⁴.

Суммарный вывод: свободная система в ТРФ потерпела «крах». Между тем областное совещание рабфаков, состоявшееся летом 1928 г., определенно подчеркнуло, что, оставаясь в 1928/1929 учебном году на твердой... системе», надлежит – в связи с переходом к четырехлетнему циклу – наращивать самостоятельные лаборботы, «чтобы в ближайшее время перейти на полусвободную и свободную системы. Видимо, поэтому тамбовцы на совещании, подчеркнув приверженность полусвободной системе, упирали на собственные недоработки и «расхлябанность студентов»⁵. Вскоре выяснилось, что дело не в субъективных обстоятельствах.

Ключевая проблема советско-рабфаковского варианта Дальтона: академические результаты. Баллы «успешности» мало информативны, завися от уровня требований в данном заведении. Свободная система, доступная разве что сильным студентам, способным осилить программу и без Дальтона, выродившаяся в суетливый суррогат классно-лабораторных занятий, при наличной базовой подготовке контингента (часть абитуры слабо владела простой арифметикой, например), учебно-материальной базы и методической подготовленности преподавателей, не позволяла реализовать линию на рост качества образования. В отчете ТРФ бюро окружкома в январе 1929 г. признавалось, что в рамках свободной системы, выродившейся в «свободное хождение, ...рабфак на квартире», 30–40 % студентов не посещали занятий⁶.

Между тем Центр все более определенно поворачивал в сторону повышения уровня учебной работы. Для рабфаков это четко декларировалось, начиная с постановления

НКпроса от 5 января 1926 г. «О мерах повышения качества подготовки на рабфаках»⁷. Для всей образовательной отрасли основополагающее значение имели постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа «Об учебных планах и режиме в начальной и средней школе» и «дублирующее» Постановление ЦИК от 19 сентября 1932 г. «Об учебных планах и режиме в высшей школе и техникумах». В середине сентября собрание парторганизации ТРФ (присоединен в 1930 г. к новообразованному агропединституту) рассмотрело итоги областного совещания рабфаковских завучей, обсудившего вопросы качества учебы в русле Постановления ЦК, и констатировало: «Лабораторный метод как основной в учебном процессе считать изжившим себя, установить классно-групповую систему...», увеличить роль преподавателя, не допуская «воздействия» студентов, установить четырехбалльную оценку знаний. В декабре главным итогом первого полугодия признавался «переход от так называемого <...> бригадно-лабораторного метода» к классно-урочной системе⁸.

ВЫВОДЫ

На всех этапах эволюции советского общества велся поиск универсальных решений назревших проблем («плюс электрификация», например, План преобразования природы, кукурузная эпопея, «экономная экономика» и т. д.). Утопическая попытка ускоренно решить образовательные задачи с помощью Дальтон-панацеи не удалась. Остатки «свободных систем» добило Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 марта 1936 г. «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой», осудившее «так называемый бригадно-лабораторный метод». «Дидактическая» революция не случилась. Утвердилась ортодоксия. Не только в ТРФ.

⁷ Там же. Д. 81. Л. 1.

⁸ ГАТО. Ф. Р.-1425. Оп. 1. Д. 133. Л. 1-2; ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории). Ф. П.-996 (Первичная партийная организация Тамбовского государственного рабочего факультета педагогического института). Д. 69. Л. 203об., 290.

⁴ ГАТО. Ф. Р.-1425. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 103. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 110. Л. 1.

Список источников

1. Аврех А.Л. Закрыть нельзя открыть: кризисы Тамбовского рабочего факультета // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 186. С. 205-215. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-186-205-215>

References

1. Avrekh A.L. Zakryt' nel'zya sokhranit': krizisy Tambovskogo rabocheho fakul'teta [Close cannot be preserved: crises of Tambov workers' faculty]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 186, pp. 205-215. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-186-205-215>. (In Russian).

Информация об авторе

Аврех Александр Липанович, кандидат исторических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1500-7945](https://orcid.org/0000-0003-1500-7945), aavreh@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2021
Одобрена после рецензирования 22.12.2021
Принята к публикации 14.01.2022

Information about the author

Aleksander L. Avrekh, Candidate of History, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1500-7945](https://orcid.org/0000-0003-1500-7945), aavreh@yandex.ru

The article was submitted 29.09.2021
Approved after reviewing 22.12.2021
Accepted for publication 14.01.2022